

До самой своей смерти в прошлой жизни Мужун Цзю никогда не испытывал ненависти к Шао Циханю, лишь досаду. Ненависть — чувство чистое и прямое, а досада — сложное и необъяснимое.

После перерождения он также продолжал испытывать досаду на Шао Циханя, хотя тот был совершенно невиновен и даже не подозревал о причинах. Однако именно его поступки и слова постепенно смягчили обиду в сердце Мужун Цзю.

Теперь, когда досада ушла, на её место пришло чувство вины. Мужун Цзю винил себя за своё грубое отношение и необоснованные подозрения. В этой жизни доброта Шао Циханя становилась всё более очевидной, что лишь усиливало его угрызения совести.

Когда он был одержим Бай Сяоси, думал ли он о чувствах Шао Циханя? Нет, и даже продолжал сомневаться в нём. Хотя у Мужун Цзю были причины для подозрений, перед лицом фактов он не мог не признать своей ошибки.

Шао Цихань не просто не любил Бай Сяоси, он испытывал к ней крайнюю неприязнь — и это подтвердилось вновь. Более того, он начал избегать всех женщин, которые могли бы приблизиться к нему...

Обнимая Шао Циханя, Мужун Цзю с лёгкой иронией подумал: «Неужели это тот случай, когда один раз обожжёшься на змее — десять лет будешь бояться верёвки?»

Они стояли, обнявшись, и ни один из них не замечал, что такие действия выходят за рамки обычных дружеских отношений. Чувства, которые возникают незаметно, — вот что это было.

Закат скрыл последние лучи солнца, небо постепенно окуталось тьмой, а за окном загорелись огни ночного города.

Первым заметил, что в палате стало темно, Мужун Цзю. Он освободился из объятий Шао Циханя и сказал:

— Ладно, уже так поздно.

Шао Цихань почувствовал пустоту в груди, когда его руки опустели.

— Да... Я принёс кашу... Ээ... — он посмотрел на свои руки, затем оглядел палату, словно что-то ища.

— Я забыл... — смущённо пробормотал он. Получив отчёт, он сразу же бросился в палату, совершенно забыв о еде.

Мужун Цзю не смог сдержать улыбки, но, заметив смущение на лице друга, постарался подавить смех:

— Ладно, давай просто оформим выписку и поедим где-нибудь снаружи.

— Но ты ещё не полностью восстановился, — возразил Шао Цихань, не обращая внимания на его смешок, и нахмурился.

Мужун Цзю сделал несколько шагов и равнодушно произнёс:

— Почти всё в порядке, я просто немного слаб... Чем дольше здесь остаюсь, тем хуже себя чувствую. Мне нужно подышать свежим воздухом.

— Но...

Мужун Цзю посмотрел на недовольного Шао Циханя и с улыбкой добавил:

— Хань, ты ведь не хочешь, чтобы Группа Мужун погрузилась в хаос из-за долгой болезни её лидера? — он прищурился. — И ещё... Нам нужно прояснить ситуацию между нашими семьями.

Шао Цихань сдался.

— Хорошо, я оформлю документы. Подожди немного, я скоро вернусь.

— Хорошо, — улыбнулся Мужун Цзю, наблюдая, как Шао Цихань быстро выходит из палаты.

Он взял пульт и включил телевизор, удобно устроившись у изголовья кровати, и начал переключать каналы.

— Сообщается, что на вечеринке в честь юбилея Королевской частной академии Иветт между младшим сыном семьи Шао и председателем Группы Мужун произошёл серьёзный конфликт. Администрация строго запретила обсуждать этот инцидент...

— Председатель Группы Мужун был госпитализирован после несчастного случая, акции компании продолжают падать...

— Два тигра не уживаются на одной горе. Противоречия между финансовыми группами Шао и Мужун обострились. Ни одна из сторон не дала официальных комментариев, аналитики активно обсуждают ситуацию...

Мужун Цзю выключил телевизор и с досадой потирал виски. Он был слишком импульсивен. Почему нельзя было решить всё за закрытыми дверями? Зачем устраивать такой спектакль на публике?

Думая о старых лисах в компании и о конкурентах, которые не упустят шанс, Мужун Цзю тяжело вздохнул.

Он переоделся из больничной одежды, тщательно обдумывая ситуацию. Когда он надел свою одежду и собрал вещи, Шао Цихань как раз вернулся.

— Пойдём? — Шао Цихань, опершись на дверь, предложил. — Давай поужинаем у меня. Я уже позвонил управляющему.

— Хорошо.

Они шли бок о бок к парковке, непринуждённо болтая.

— Ты всё ещё живёшь один? — спросил Мужун Цзю.

Шао Цихань нажал на кнопку пульта, открыл дверь пассажира и помог Мужун Цзю сесть в машину, затем обошёл её и сел за руль. Заводя двигатель, он ответил:

— Да, Шао Цичжай почти не приезжает.

Дом, где сейчас жил Шао Цихань, был местом его детства. Раньше здесь жили его отец и старший брат, но после того, как Шао Цичжай возглавил Группу Шао, их отец переехал за границу, а сам Шао Цичжай поселился ближе к штаб-квартире компании. Теперь Шао Цихань жил один на вилле семьи Шао.

Мужун Цзю откинулся на спинку сиденья, глядя на поток машин за окном, и спросил:

— Как ощущения от управления компанией?

— Так себе, — скучно ответил Шао Цихань, нажимая на клаксон, чтобы поторопить впереди идущую машину. — Сплошное болото.

— Правда? А мне этот кусок пирога кажется очень интересным.

— Я помню, ваша семья никогда не занималась этим, — Шао Цихань боковым взглядом посмотрел на Мужун Цзю.

— Индустрия развлечений очень прибыльна, — усмехнулся Мужун Цзю. — Как насчёт того, чтобы я тоже вложился?

— Это зависит от того, как ты это сделаешь, — Шао Цихань заглушил двигатель, и они вышли из машины. — Пришли своих людей, обсудим. Если я буду доволен, то почему бы и нет? — он говорил с явным энтузиазмом, когда они вместе шли через цветущий двор к вилле.

— Конечно, — Мужун Цзю кивнул с улыбкой, но его лицо стало более сдержанным, когда он увидел человека в гостинной.

Он слегка наклонил голову:

— Господин Шао.

Шао Цичжай встал с дивана, удивлённо приподняв бровь. Он сделал несколько шагов вперёд и протянул руку для рукопожатия:

— Какой неожиданный гость.

Шао Цихань нахмурился и холодно спросил:

— Ты почему дома?

— Это дом Шао, разве я не могу здесь быть? — так же холодно парировал Шао Цичжай, затем извиняюще посмотрел на Мужун Цзю. — Цихань всегда такой. Спасибо за вашу заботу.

Мужун Цзю игнорировал напряжённый диалог между братьями и просто улыбнулся:

— Наоборот, это Цихань больше заботился обо мне. Мне нужно извиниться за свою импульсивность. Пожалуйста, проявите понимание.

— Хватит, — резко прервал его Шао Цихань. — А Цзю ещё не ужинал. Обсудим всё позже.

Он грубо взял Мужун Цзю за руку и повёл его вперёд, оставив Шао Цичжай смотреть им вслед.

Шао Цичжай поправил очки и снова сел на диван, его лицо оставалось холодным и непроницаемым.

Не подозревая об этом, Мужун Цзю и Шао Цихань сели за стол, где уже были поданы горячие блюда. Мужун Цзю взглянул на них и почувствовал горечь во рту.

— Хань, так нельзя, — Мужун Цзю зачерпнул ложкой кашу из фарфоровой миски. — Тебе тоже немного?

Шао Цихань покачал головой, с недовольным видом ответил:

— У нас с ним всё так и будет, ничего не изменится.

Он взял палочки и положил на тарелку Мужун Цзю кусочек салата, добавив:

— Без вкуса, да? Врач сказал, что пока нельзя острое и жирное.

— Да, безвкусно, — Мужун Цзю медленно доел кашу, затем положил ложку и наблюдал, как Шао Цихань ест.

Он тихо сказал:

— Он твой брат.

— Мой брат? — Шао Цихань откусил кусочек курицы. — Шао Цичжай — это просто человек, который родился от одной матери со мной.

— Ты просто... — Мужун Цзю с досадой покачал головой.

<http://bllate.org/book/15114/1335809>